Все новости Варненского района: www.sovselo.ru

«Советское село» №18 (9110) 10 мая 2025 года

«Мне было 11 лет, когда война началась»

Линия жизни. Елена Ивановна Малютина, неунывающий человек, ребёнок войны, рассказала нашей газете историю своей нелегкой жизни

Михаил **ЯХИН**

Несмотря на почти полные 95 лет, Елена Ивановна сохранила хорошую память, ясный ум и прекрасно поставленную речь. Вот что она поведала.

Рассказ от первого лица.

Я местная, родилась в 1930 году, в Челябинской области, в Чесменском районе, в селе Тарутино. Папа умер, когда мне только одиннадцать месяцев исполнилось. А у мамы нас было семеро детей. Она — женщина неграмотная, даже расписаться не умела, но ничего, вырастила всех.

В Тарутино мы не остались, потому что коллективизация только-только прошла, и папа заболел. Умирая, он сказал маме: *«В колхоз не вступай, переезжай уж как-нибудь к совхозу. Там деньги на руки дают, а в колхозе только палочки ставят. Тебя обманут»*. В ближайшем Троицком зерносовхозе жил троюродный папин брат, туда мама сначала старших сыновей послала, а потом и сама отправилась, пешком конечно.

Пришла, обсудили вопрос переезда. Управляющий сразу сказал, что квартир нет. Мама попросила наш дом-пятистенник *(дом, у которого не четыре несущих стены, как у стандартных, а пять, одна дополнительная разделяет строение изнутри на две, обычно неравные, части)* перенести.

Дом разобрали, перевезли, однако, во время путешествия он резко уменьшился в размерах. Когда построили остались маленькая спаленка и комнатка. Даже сеней не было. И накрыть крышу нечем было, всё растащили по пути. И вот на улице дождь, и у нас дождь; на улице дождь кончился — а у нас всё ещё льет. Ну, мама не сидела сложа руки, пришла как-то с работы, собрала нас всех вечером, говорит: *«Давайте, ребятишки, собирать листья, пока осень, и ссыпать на потолок, да сверху золой покрывать будем. Чтобы тепло было»*. Потом раскопали яму, привезли соломы, сделали снопы, и соломку с глиной мешали, топтали — ставили на крышу. Так потихоньку и обжились. Мама и сенцы сама сделала. Тальник когда рубили, она колышки в землю вкопала и между ними переплетала. Совсем хорошо у нас стало тогда.

Забот всегда хватало. Когда в школу пошла в 1937 году, вроде полегче стало.

В 1940 году, правда, мама тяжело заболела — протравливала зерно, тогда вся бригада слегла. Брату моему, Пете, оставшемуся с нами за хозяина, было всего 16 лет, он маму выхаживал, выпаивал молоком. Она и встала.

В 1941 году мне 21 мая исполнилось 11 лет, а 22 июня, ровно через месяц, война началась. Во время фронтовых лет все работали много. И мы, дети, тоже. После школы конечно, а часто и вместо школы. Вот на январских каникулах, помню, собрали нас на заготовку леса. В Боровую Санарку (село). Километров 25 от нашего отделения. Мальчишки с пилами, а девочки с топорами. Парни валили деревья, а мы сучья обрубали. А в штабель-то складывали как муравьи, все гамузом *(все вместе)*.

А так-то я всю войну проработала в совхозе на зерне. С апреля месяца, как только снег растает, надо копны соломы выжигать. Собираемся с вилами, с нами классный руководитель. Одну копну зажжет, а мы на вилах огонь переносим от горящей копёнки к другим. Уроки-то особо учить некогда было. Электричество ещё не провели. Лампой керосиновой светили. У нас хорошая была, с головкой, со стеклом. Называли её «пузырь». Под «пузырем» и занимались.

Одежонка плохонькая была. Босыми почти всегда бегали. Вот как только снег пойдет, обычно в конце октября, земля холодная — ходили в колодках деревянных, потому что нечего было обуть. Ну а в седьмой класс-то я пошла уже до середины зимы в брезентовых туфлях со старшей сестры, и мама мне чулки шерстяные связала. Школа в трех километрах всего была от нашей заимки, в Центральном отделении совхоза.

> «В техникум медицинский поступила, но ни обуть, ни одеть нечего было. Те девчата, у кого отцы были, поехали, а я поплакала, да дома осталась», — говорит Елена Малютина.

С едой тоже было туго. Вместо хлеба — лебеда, картошка. Муки взять негде. А лебеда же острая, после неё всё внутри болит. Бывает, что и изнутри сильно поранит — кровь идет. А тут, помню хлеб привезли первый раз, после войны. Наша Мария Васильевна, классный руководитель, пришла и говорит: *«Ребята, сейчас ваш класс будет обеспечиваться хлебом»*. Не бесплатно это было, конечно. Все пошли, а я сижу. Учительница меня потеряла, вернулась, спрашивает: *«Что случилось?»* *«Денег нет»*, — отвечаю. Она мне предложила дать взаймы, чтобы я потом у мамы взяла и принесла. А я не знала, есть ли у мамы деньги и снова отказываться стала. Тогда Мария Васильевна придумала выход. Взяла с меня обещание, что, когда взойдет лук-батун, я его наберу, продам и отдам ей долг. Тут я согласилась. Хлебушка-то хотелось. И принесла я в семью целых две булки. А в них по большей части просо не ободранное, но уже хлеб! Мама очень обрадовалась, правда, сначала долго выспрашивала, где же я взяла такое богатство, на что купила. Какие-то копейки тогда дома нашлись. Так что я на следующий день Марии Васильевне деньги отдала, не пришлось лука ждать.

А вот после школы с учебой у меня не сложилось. В первый техникум медицинский сдала экзамены без троек, но у меня ни обуть, ни одеть нечего было. Те девчата, у кого отцы были, поехали, а я поплакала, да дома осталась. Зиму проработала. Ближе к весне случай интересный произошел. Посылали меня на снегозадержание. Давали лошадку старенькую, тихоходную. И всё хорошо шло. А один раз вдруг кобылка моя как понесет! Помчала домой галопом. Как я удержалась? Ума не приложу. Думала выпаду. Конюх нас во дворе встретил, хорошо ворота открыты были, и кричит: *«Ленка, ты чего делаешь? Как ты её разогнала?»* А я перепуганная говорю: *«Не знаю»*. Он тогда отряхнул меня, за ворота вышел, вернулся, да и сказал, что волк это. Серый её разогнал, а не я. Больше меня в поле одну не пускали.

А конюху не повезло. Волк вскорости у него в овчарне крышу разобрал, да и перерезал всех овец. А утащил только одну, большую. И единственный ягненочек только уцелел.

ФОТО АРХИВ «СС».

В преддверии 9 мая глава района Константин Моисеев вручил Елене Ивановне юбилейную медаль «80-летие Победы в Великой Отечественной Войне».

После того случая работала я на току. И мама собирала все копеечки. К осени мне купили валенки, пальтишечко. В медицинский уже не пошла — постеснялась, потому что не вышла на учебу в прошлом году. Решила в ветеринарный техникум попробовать. Экзамены сдала, стипендию пообещали. Первый семестр проучилась, а за второй ректор техникума плату стал требовать, 360 рублей. Сказал, что приказ пришел. Ну, тут не только я, тут и девушки из полных семей бросили.

И вот шли мы по улице Троицка, тут нам встретилась подружка, она уже в городе жила. Спросила: *«Как дела?»* Мы и рассказали. А она нам: *«Да вы что, девчата, пойдемте на железную дорогу! Сейчас как раз принимают на курсы трехмесячные! Проучитесь и будете работать!»* Мы согласились. Подружка эта прямо на автобус посадила, привезла к школе. Нас и приняли. Три месяца пролетели незаметно. И 5 июня 1949 года я приехала сюда, в Варну, работать. Так я профессию обрела.

> Босыми почти всегда бегали. Вот как только снег пойдет, обычно в конце октября, земля холодная — ходили в колодках деревянных, потому что нечего было обуть.

Да… Всякое в нашей семье было. Один брат до 19 лет не дожил, простыл. Он учился в Троицке на тракториста. Домой приезжал только на воскресенье, на попутках, автобусов тогда не было. В кузове добирался и заболел. В выходные с нами побыл, на учебу уехал и там умер. Похоронило его училище.

Петр, тот который маму молоком выпаивал, на фронт ушел. Ему 18 лет 14 октября исполнилось, а забрали его в марте месяце в армию, раньше ещё. Три месяца в Чебаркуле проучился, и оправили Петю прямиком в бой. И хорошо, что попал он с пожилыми мужчинами, помогли они ему. Всю войну прошел. В госпиталях бывал, конечно. Сколько раз его ранило — подлечат немного и опять на фронт. На спине огромный шрам остался, чуть-чуть кожа наросла сверху, и сразу кость, а мяса-то и не было, сорвало всё. Под Сталинградом левую руку ему перебило — инвалидом брат стал. Но работал всю жизнь. Кассиром при тюрьме сначала. Потом воспитателем для несовершеннолетних нарушителей. Прожил 86 лет. Две дочки у него и сын.

Михаил, ещё один брат, всю войну в летной части на Дальнем Востоке прослужил, в Хабаровске. Да и после Победы их там ещё долго японцы беспокоили. Там Миша и остался. Прожил долгую жизнь, до 94 лет. В 2004 году я ездила к нему на юбилей (90 лет). Общались мы всегда хорошо, переписывались, в отпуск приезжали.

Маму я как-то тоже возила туда в гости. Она очень переживала о цене билетов, но я на железной дороге тогда уже работала, мне положен был проезд бесплатный. И её в проездные документы вписала. И вот мы Байкал проехали, а она мне и говорит: *«Знаешь, что я, Лен, думаю? Отец жаль не видит, как наша самая маленькая дочь везет меня по всей стране»*.

Продолжение следует.